

HARLEQUIN®

112

Луиза Аллен

КАНДАЛЬНОЕ
СВАТОВСТВО ГЕРЦОГА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Луиза Аллен

Скандальное сватовство герцога

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Аллен Л.

Скандальное сватовство герцога / Л. Аллен — «Центрполиграф»,
2019 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09142-0

Связанный условностями, Уильям Калторп, герцог Айлшамский, находится в поисках респектабельной невесты, которая поможет ему растить единокровных братьев и сестер после смерти отца. Однако судьба распоряжается иначе, и, прогуливаясь вдоль границы своего имения, он в буквальном смысле слова натывается на Верити Вингейт, мятежную и свободолюбивую дочь епископа. И когда они волею судьбы оказываются вдвоем на крохотном безлюдном острове и проводят там ночь, тем самым окончательно и бесповоротно скомпрометировав себя в глазах чопорного окружения, он точно знает, что должен делать. Но у Верити совсем другой взгляд на происшедшее...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-09142-0

© Аллен Л., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Луиза Аллен

Скандалное сватовство герцога

*Крису, Дикки и Даррену, которые построили мне чудесную
библиотеку и кабинет*

Least Likely to Marry a Duke Copyright © 2019 by Melanie Hilton

«Скандалное сватовство герцога» © «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Глава 1

Грейт-Стейнинг, Дорсет – 1 мая 1814 г.

Уильям Ксавье Космо де Уитам Калторп, четвертый герцог Айлшамский – Уильям для недавно почившего деда, Уилл для себя самого и его светлость для всего остального мира – шагал по пологому склону своих новых владений, наслаждаясь чувством уверенности, что все идет как положено, своим чередом.

Дома царил небольшой кавардак, но он разберется с этим позже, когда вернется к завтраку. Терпение и дисциплина – это все, что им нужно. Море терпения.

Сейчас же он занимался тем, что проделявает любой ответственный землевладелец первым делом поутру, – обходил свои владения. Теперь он герцог и прекрасно знает свои обязанности – будь то абсолютно недисциплинированные сводные братья и сестры, превратившие его нынешнюю жизнь в ад, или арендаторы и многочисленные владения, за которые он в ответе.

Настоящим родовым гнездом герцогов Айлшамских был замок Оултон, расположившийся в двадцати милях отсюда, но, поскольку там полным ходом шла реконструкция, перевозить туда свое недавно обретенное огромное боевое семейство было неблагоразумно. Это поместье, Стейн-Холл, долгие годы находилось в руках великолепных арендаторов, однако благодаря улучшенному дренажу, пустующему Дауэр-Хаус и отсутствию опасного рва, высоких средневековых стен и развешанного по стенам коридоров древнего оружия здесь было гораздо удобнее и, главное, безопаснее. Оставалось только сказать спасибо, что арендатор не стал возражать и с готовностью удалился в Уортинг.

Уилл отмел одолевающие его мысли и окинул взором окрестности. Это был седьмой день, как он прибыл в поместье, и первое утро, когда ему удалось пройтись по округе.

Впереди лежала северная граница его владений.

Он достал из кармана карту и сверился с ней. Да, все верно – вот она, цепочка из шести возвышений, похожих на бусы, показанная стилизованной штриховкой и помеченная как «древние (друидские) курганы». Судя по всему, граница идет прямо по их вершинам. В утреннем солнце холмы отбрасывают длинные тени. И ни следа от забора.

Это плохо. Ограда – наиважнейшая деталь идеального поместья, а он намеревался сделать Стейн-Холл идеальным. Герцоги не приемлют ничего второсортного, ни в окружающих их людях, ни в землях, ни в себе самих. Это один из первых уроков, который преподал ему дед, третий герцог Айлшамский, вызволивший Уилла из рук его эксцентричного отца Георга, маркиза Бромхилла, ныне покойного.

Все попытки старого герцога воспитать достойного преемника пошли прахом, как только его овдовевший сын Георг положил глаз на прелестную мисс Клаудию Эдвардс, писательницу и страстного теоретика образования. Безалаберная жизнь этой парочки закончилась тем, что маркиз нашел свою смерть, упав с крыши, где он подтверждал собственным примером теорию, согласно которой джентльмен должен уметь выполнять любую работу, в том числе ту, что требует ручного труда.

Три месяца спустя Уилл все еще пытался пересилить злость на отца, коего он едва знал. Ну почему этот человек не мог понять и принять простого факта, что в его обязанности входит обеспечить работой как можно больше местных жителей, а не менять самому черепицу, оставляя тем самым без денег настоящего мастера. К тому же Уилл подозревал, что со смертью сына старый герцог наконец-то вздохнул с облегчением и перестал бороться с болезнью сердца, ведь теперь он мог быть спокойным и передать свой титул добропорядочному внуку.

Вот этого простить отцу Уилл не мог. Он пробыл маркизом Бромхиллом всего пять недель и внезапно стал герцогом Айлшамским. С тех пор прошло одиннадцать – нет, двенадцать недель, поправил он себя. Боль от потери родного человека, с которым он прожил четыр-

надцать лет, не стихала. Но Уилл не переставал повторять себе, что, несмотря на внешние проявления траура, герцоги не говорят вслух о своих утратах, о чувстве одиночества и, конечно же, не боятся показаться неумелыми господами. Интересно, как ощущал себя сам дед, когда вступил в права наследника? Старик ни за что бы не открыл ему правду, с горечью подумал Уилл.

Ну ничего, он твердо усвоил все уроки третьего герцога и станет таким же безупречным дворянином. С подходящей женой сделать это будет легче. В этом дед был непреклонен: супругу нужно выбирать тщательно, и данный пункт стоит первым в списке его нынешних дел. Неподобающий брак ведет к трагическим последствиям, как показал пример отца.

Подходящая – означает хорошо воспитанная, привлекательная, плодovitая, с идеальными манерами. Приятный нрав, адекватный уровень образования и интеллект в разумных пределах также приветствуются. Необычные идеи и эксцентричность отменяются сразу – как показала практика, это до добра не доводит. Чего стоит его мачеха, которая, несмотря на вполне понятные проявления горя, наотрез отказывается соблюдать общепринятые обычаи траура, полагающиеся ее полу и статусу.

В любом случае с браком, как ни прискорбно, придется подождать – траур продлится еще сорок недель. Лучше подумать об ограждении границ.

За этими мыслями Уилл не заметил, как очутился у подножия самого большого кургана. Одет он был, само собой разумеется, в полном соответствии с требованиями загородной прогулки – надежные ботинки, неновые бриджи, – и ему ничто не мешало подняться на холм.

Добравшись до вершины, он обернулся в сторону своих владений. Отсюда открывался потрясающий вид на парк, вдали мерцало озеро, в одном из перелесков паслись лани. Теплый ветерок нес с собой запах свежей зелени и полевых цветов с легким намеком на кучу навоза, ожидающую, когда ее разбросают по ближнему полю.

Уилл сделал шаг назад и наклонился в сторону, пытаясь понять, можно ли разглядеть отсюда дом. Земля внезапно ушла у него из-под ног, и он поехал вниз вместе с осыпью камней и почвы.

Герцог весьма болезненно приземлился на копчик. Бобровая шляпа слетела и покати-лась прямо к коленям сидевшей перед ним молодой женщины. Странной девы с перекинутой через плечо распущенной косой карамельного цвета, широко распахнутыми карими глазами – и прижатым к груди человеческим черепом. В этот момент что-то острое вонзилось ему в левую ягодицу.

Ничто не предвещало беды, лишь мелькнула мимолетная тень, и в ее раскоп посыпалась грязь и галька. Верити успела схватить череп и откинуться назад, когда вслед за осыпью прямо перед ней рухнул мужчина, издавший короткое, но весьма емкое англосаксонское ругательство.

Засим последовала тишина. Это был не удар молнии и не падший ангел, с этими явлениями Верити справилась бы гораздо лучше. Когда пыль улеглась, она поняла, что пялится на светловолосого мужчину с голубыми прищуренными глазами и губами, перекошенными то ли от боли, то ли от ярости. Возможно, и от того и от другого. Одежда на нем была дорогой, простой и идеально подходящей для села, вот только теперь далеко не чистой.

«Идеально подходящая. О нет! Я знаю, кто вы...»

Его лицо перекошило от боли, и она поняла почему. Беда не приходит одна.

– Сэр, вы, должно быть, сели на зуб.

«Не совсем верная форма обращения, но так как нас никто не представил...»

Его голубые глаза превратились в узкие щелочки. Он перенес вес тела на правое бедро, забрался рукой под фалды костюма и извлек на свет человеческую челюсть.

– Зуб? В единственном числе? – возмутился он. И тут его взгляд упал на вещь, которую она прижимала к груди. – Мадам, вы, кажется, держите череп. Человеческий череп. – Причем слово «кажется» было произнесено с сарказмом. Такое ни с чем не спутаешь.

– Да, – подтвердила Верити. – Держу, и именно череп. Челюсть не сломали? То есть сами не поранились?

Этикет явно не предусматривал подобной ситуации. В каких выражениях леди должна поинтересоваться у герцога, не нанес ли древний бритт ему рану в левую ягодицу? Было немисливо вырвать у него кость и проверить, все ли с ней в порядке.

«С костью, конечно же, не с ягодицей!»

– Уверен, что ничего серьезного, мадам. Прошу прощения за свой язык.

Было бы проще, если бы он взорвался от ярости. Или хотя бы застонал. А так их беседа напоминала светскую болтовню в «Олмаке».

Герцог поерзал, намереваясь встать.

– Нет! – Она выдохнула и понизила тон. – Прошу вас, оставайтесь на месте, или вы разрушите стенки. Просто позвольте мне прежде доделать работу.

Верити осторожно уложила череп в приготовленную заранее коробку с сеном и протянула руку за челюстью. Когда и та оказалась в безопасности, она подобрала юбки вокруг лодыжек и встала.

Герцог, будучи джентльменом, отвел глаза. В любом случае он был слишком зол, чтобы разглядывать ее. Верити подавила в себе желание спровоцировать его на недостойный поступок и просто подождала, пока он поднимется.

«Это самый молодой герцог Англии, ему еще и тридцати нет, и фигура у него что надо».

Кузен Родерик успел рассказать ей об этом мужчине, который теперь стал герцогом Айлшамским. Долгие годы он выстраивал себе безукоризненную репутацию в качестве лорда Калторпа и теперь явно намеревался вести себя идеально при любых обстоятельствах.

«Ему даже прозвище дали – Лорд Безупречность».

Родди написал это месяцев восемнадцать тому назад в одном из своих писем, полных всяких сплетен.

«Его отец, маркиз, – человек, мягко говоря, эксцентричный, а мачеха – настоящий синий чулок, так что ему еще повезло попасть к деду; он забрал Калторпа к себе, когда тот был еще ребенком.

Старый герцог – ярый приверженец всего того, что прилагается к титулу, но Калторп, похоже, перещеголял даже его. В один прекрасный день он превратится в самого чванливого герцога королевства. Он даже дуэли проводит с педантичной корректностью: леди оскорбили, он бросает вызов, отказывается стрелять, пожимает руку противнику, хотя тот стрелял, но промахнулся, и после этого молчок. Никаких сплетен.

Не человек, а машина – вот как я это называю».

Похоже, она была в ответе за то, что этот человек-машина изверг абсолютно неподобающее статусу ругательство, испачкал изысканно поношенную одежду, поцарапал дорогую обувь и, ко всему прочему, был укушен черепом за священный герцогский зад.

«Видимо, тоже безукоризненный. Эти бедра...»

По крайней мере, он способен стоять и ничего не сломал. Верити велела себе подождать, пока герцог удалится, прежде чем снова приступить к раскопкам кургана.

– Вы, вероятно, задаетесь вопросом, что я тут делаю? – сказала она.

Судя по тому, как он старательно отводил взгляд от ее простенькой юбки, сапог со шнуровкой и твидового жакета, он явно был в шоке от увиденного. Знатная дама не должна разгуливать в таком наряде. К тому же одному богу известно, куда подевалась ее соломенная шляпка.

– Должен признаться, я был удивлен, увидев, что мой курган времен друидов разрезан пополам, – ответил он явно из вежливости и без тени улыбки. – Еще большее удивление вызывает тот факт, что разделала его леди.

Верити открыла рот, потом закрыла его, обуреваемая желанием встряхнуть этого человека. Он был вежлив. И к тому же являлся, мягко говоря, ярким представителем своего пола. Но все, чего ей хотелось, – это вытрясти из него еще одно бранное слово, или улыбку, или признание, что он все же увидел ее лодыжки, когда она поднималась. Его манеры были безупречны, однако он всем своим видом показывал, что не одобряет ее поведение и считает ее занятие странным и неслыханным.

«О, какой ужас! Женщина занята интеллектуальными изысканиями, которые к тому же предполагают использование мозгов и марание рук! Куда катится наш мир!»

– Прошу прощения, сэр, но это не ваш курган, это *наш* *общий* курган. Я очень тщательно выбирала место для раскопа и заложила его *со своей* стороны. Я не уверена, что данный памятник имеет отношение к друидам, и, уж конечно, я его не *разделявала*. Это научные работы, проходящие согласно последним антикварным принципам. Если желаете, могу одолжить вам соответствующие документы по этому вопросу. – Она улыбнулась ему самой милой, очаровательной улыбкой, которую приберегала для вечеринок во дворце епископа до того, как папак удалился от дел. Герцог человек умный. Он сумеет понять, к чему она клонит.

Контраст между словами и улыбкой был настолько разительным, что незваный гость машинально прищурился, выражая свое неудовольствие.

– С вашей стороны? Это ваша земля?

Верити указала на столб, одиноко торчащий на вершине кургана в двенадцати тщательно отмеренных дюймах от края раскопа.

– Вот остатки вашей изгороди.

Он поджал губы. Может, решил, что она отчитывает его за состояние границ соседних владений?

– Боюсь, я забыл представиться вам. – Он снял перчатки, извлек на свет белоснежный платок, стер проникшую внутрь грязь и протянул ей правую руку. – Герцог Айлшамский.

– Я уже догадалась, ваша светлость. – Верити вытерла руку об юбку и мимолетно коснулась его пальцев. – Я мисс Вингейт. Мой отец – епископ Эльмхамский, точнее, епископ в отставке. Резиденция нынешнего епископа находится ближе к границе округа, но старый дворец принадлежит папак. Он выкупил его у церкви, когда восстанавливался после инсульта. Другие сочли его слишком старомодным, но мы обожаем.

Она слишком много болтала и прекрасно понимала почему. Перед ней стоял очень привлекательный мужчина – даром что надменный аристократ, – и он застал ее в очень невыгодной ситуации. Верити была отчасти в ответе за произошедший с ним инцидент, она испугалась и не знала, как себя вести.

– Мисс Вингейт. Я как раз намеревался доставить себе удовольствие навестить вашего батюшку завтра днем. Если, конечно, его здоровье позволит это сделать.

«Почему я злюсь?» – спросила себя Верити, объясняя герцогу, что лучшее время для визита – вторая половина дня и что отец, конечно же, будет счастлив принять его. – Потому что мне не все равно, что он подумает, – ответила она сама себе. – И это раздражает».

Широкие плечи, волевой подбородок, голубые глаза и намек на улыбку – если он вообще способен улыбаться – еще не повод заискивать перед мужчиной. Она полжизни положила на то, чтобы, насколько это в ее силах, не лебезить перед мужчинами. Одного раза хватило с лихвой.

Герцог тем временем принялся озиаться. Между нахмуренными бровями залегла складка.

– Вы тут одна, мисс Вингейт? Я не вижу ни вашей служанки, ни рабочих.

– Мой грум заберет меня в восемь. – Она посмотрела на восток, отметив положение солнца. – Уже совсем скоро. Если вы меня извините, я зачищу раскоп.

Череп, конечно же, был самой важной находкой, но она должна убедиться, что упавший ей на голову длинноногий представитель противоположного пола ничего не повредил.

– Вам помочь?

– Нет, – отрезала она. – То есть спасибо, не нужно, ваша светлость. Не могли бы вы просто выйти из раскопа и встать вон там? Да, так будет идеально.

«Прекрати! – осадил она себя, берясь за кисточку и убирая упавшие камни и землю. – Никакой он не идеальный. Просто джентльмен приятной наружности, и все. И не притворяйся, что ты не паялилась на его зад. Не надо искать себе оправданий, ты прекрасно знала, что фалды костюма скроют следы повреждений от падения на челюсть».

К длинным ногам герцога прилагались тонкая талия и широкие плечи. И это сводило с ума: что-то ведь должно быть с изъязном? Кроме манер, конечно. Кому нужен ледник, если рядом находится герцог Айлшамский, источающий холод в любой ситуации? Ставь молоко – не прокиснет!

Шуршание колес по гравию возвестило о прибытии Тома с пони и тележкой. Он остановился поодаль от раскопа, как ему было велено, и подошел, держа шляпу в руке.

– Доброе утро, сэр. Мисс Вингейт, вы готовы?

– Это герцог Айлшамский, Том, и да, я готова. Пожалуйста, заberi инструменты, а потом вот эту коробку, и аккуратнее с ней, пожалуйста.

* * *

Уилл посмотрел вслед удаляющемуся транспортному средству, поднял шляпу и смахнул с нее платком землю. С его точки зрения, шляпа и платок безвозвратно погибли, но Нотли, его камердинер, несомненно, сотворит с ними чудо и спасет не только эти предметы гардероба, но также ботинки, поцарапанные перчатки и грязный пиджак.

Он обошел курган, пройдя между ним и холмиком пониже. По какой-то причине ему захотелось оказаться на своей территории, прежде чем начать обдумывать странное приключение. Уилл широким шагом пошел по полю, направляясь к краю живой изгороди и тропинке, ведущей обратно к дому.

Что за девица эта мисс Вингейт, совершенно не такая, какой подобает быть дочери прелата. Одета как крестьянка, без шляпки, без перчаток, волосы распущены, копается в земле, стоя на коленях, и держит человеческий череп, словно это миска с пудингом. Неслыханно! И насколько он понял, в душе она смеялась над ним из-за того, куда впиалась ему челюсть, хотя и сохраняла внешнее спокойствие. В ее глазах плясали дьявольские огоньки. В безмерно красивых карих глазах...

Несчастный епископ, должно быть, сильно болен, раз позволяет дочери так себя вести, пришел к выводу Уилл, ступая на тропинку. Подобные занятия не для леди. Даже его эксцентричная мачеха придерживается определенных рамок и не позволяет себе копаться в пыли в поисках старых костей. И это печально, ведь он не сможет оградить своих сводных сестер от общения с сумасбродной девицей. Не может же он оскорбить епископа невниманием.

Сколько ей лет? Двадцать три? Двадцать четыре? Эти темные глаза, эти карамельные пряди волос, эти длинные ножки, мелькнувшие под юбкой, когда она поднималась... Правда, обуты они были в ботинки, которые скорее подошли бы садовнику, но лодыжки у нее такие тонкие, изящные.

«Прекрати, Уилл, – начала пилить его совесть. – Из нее получится дурная соседка, и к тому же сейчас в любом случае не время думать о женщинах. Еще целых сорок недель».

Этот траур – настоящее испытание, вздохнул он. Все, конечно же, правильно, так и должно быть. Уилл искренне и глубоко оплакивал потерю деда, но он отчаянно нуждался в помощи с кучей строптивых братьев и сестер, и жена была бы весьма кстати. Женщина со стальными нервами и непреклонным чувством долга – добавил он строчку в свой список желательных качеств будущей герцогини. Но ни одна добропорядочная леди не подумает нарушить светские условности и не пойдет с ним под венец до официального окончания траура. А это целый год!

Он прошел всего половину расстояния, которое собирался покрыть нынешним утром, когда встретил мисс Вингейт, и эта девица заставила его забыть о намерении делать заметки. Уилл вздохнул, забрался на перелаз, сел на верхнюю ступеньку и достал блокнот.

«Блокировка западного рва, ограда по линии курганов...»

«Эти теплые карие глаза с задорными искорками... смеющиеся». Она сочла это происшествие забавным, вот ведь бесстыдница!

* * *

– Доброе утро, папаК. Доброе утро, мистер Хоскинс, Ларлинг. – Верити поймала свое отражение в длинном зеркале, входя в покои отца с боем курантов ровно в девять тридцать, и удовлетворенно кивнула. Она искупалась, переоделась, позавтракала, перебрала в голове события нынешнего утра и теперь в образе идеальной дочери старшего священнослужителя была готова составить отцу компанию за завтраком.

Родитель улыбнулся ей одной стороной рта, преподобный мистер Хоскинс вскочил со своего места и поприветствовал ее, а Ларлинг, слуга, поставил поднос с едой на прикроватный столик.

Два года назад отец слег из-за тяжелого инсульта. Он плохо ходил, быстро уставал, и речь его стала неразборчивой. К счастью, болезнь не затронула интеллект епископа, и Джеймс Вингейт по-прежнему считался великим ученым ранней британской церкви и продолжал работу с помощью своего капеллана и секретаря Кристофера Хоскинса.

Методом проб и ошибок в доме удалось установить строгий режим. Верити вставала на рассвете, выпивала чашечку кофе, клала в карман яблоко и на два часа отправлялась на раскопки, после чего возвращалась и завтракала. В половине десятого отец ел лежа в кровати, а она развлекала его рассказами о результатах утренних исследований и делилась планами на день.

Затем епископ вставал и удалялся с Хоскинсом в кабинет, где они трудились, общаясь с помощью языка жестов, до двенадцати тридцати. После ланча отец пару часов отдыхал, затем либо возвращался в кабинет, либо принимал посетителей.

Таким образом, если не предвиделось гостей и не было никаких срочных дел по хозяйству, вторая половина дня у Верити была абсолютно свободна. Сегодня ничто не должно было ее отвлекать. Об угрозе герцога нанести завтра визит она подумает, когда этот визит станет реальностью.

Отец расправился с кашей и поднял брови, давая понять, что готов выслушать дочь.

– Мне удалось аккуратно извлечь череп, папаК. Никаких вещей рядом с телом не обнаружилось, но опять же, оставшаяся часть скелета находится под другой половиной кургана. Я почищу его, произведу измерения, потом перезахороню и засыплю раскоп. Ты же помнишь, что я уже зарисовала профиль разреза.

Он кивнул и одобительно улыбнулся ей, сделав знак продолжать. Проблема, однако, состояла в том, что больше на раскопках ничего не случилось. Если не считать неожиданного визитера.

– Герцог обходил свои владения и... э-э-э... заглянул посмотреть, чем я занимаюсь.

– Айлшамский? – решил уточнить Хоскинс, как будто округа кишела герцогами.

– Да. Он был крайне вежлив и изъявил желание навестить нас завтра, папаК. Я сказала, что мы будем счастливы принять его у себя.

Руки отца стали летать в воздухе, складываясь в фигуры, которые мог прочесть только его капеллан.

– Питает ли он склонность к интеллектуальным занятиям, как тебе кажется? – перевел Хоскинс.

– Понятия не имею. Герцог явно умен, но обладает ли он обширными знаниями, не мне судить. По крайней мере, в истории он точно не разбирается.

«И уж точно не верит в способность женщин пользоваться мозгами».

– С нетерпением жду встречи с ним, – снова перевел капеллан. – Его дед был очень влиятельным человеком, и я возлагаю большие надежды на нового соседа.

Верити сказала сама себе, что ей надо радоваться. Новое знакомство будет хорошим стимулом для папаК, проживание семейства герцога хорошо скажется на местной экономике, и она не должна быть такой эгоисткой. Что с того, что он счел ее эксцентричной девицей и винит ее в том, что на его ягодице остались следы от древних зубов? Его мнение, хорошее ли, плохое ли, ей абсолютно безразлично. Ей есть о чем подумать, кроме пары ледяных голубых глаз.

Глава 2

Комната для завтрака скорее напоминала зверинец после того, как все клетки были открыты. Уилл встал во главе стола и кивнул Пиплоу, дворецкому, который выдвинул тяжелый резной стул, наклонил его и с грохотом опустил на пол.

Этот звук привлек внимание собравшихся. Наступила тишина. Шесть голов повернулись к нему, четверо слуг стояли, застыв и неотрывно глядя на противоположную стену. Не прошло и двух дней, как челядь привыкла и перестала вздрагивать.

– Доброе утро, Алтея, Араминта, Алисия. Доброе утро, Бэзил, Бертран, Бенджамин. Джентльмены, ваши сестры ждут, когда вы поможете им сесть. – Сам Уилл остался стоять, наблюдая за тем, как его сводные сестры усаживаются за стол с той или иной степенью элегантности. Затем он сел сам и кивнул, позволяя мальчикам занять свои места. – Бэзил, сегодня твоя очередь читать благодарственную молитву.

Четырнадцатилетний Бэзил, явно не самый набожный мальчик в мире, вскочил на ноги и принялся оглядываться в поисках вдохновения.

– Э-э-э... Спасибо тебе, Господи, за рыбу на завтрак. Аминь.

Он сел, лицо его озарилось улыбкой облегчения.

Хорошо еще, что парень обратился к Богу, а не к Вельзевулу, подумал Уилл и подал дворецкому знак, чтобы тот подавал кушанья.

Как же ему нужна добропорядочная супруга! Само собой разумеется, приучить сорванцов к дисциплине за несколько недель невозможно, ведь они все детство пробегали дикарями, ибо их мать не верила в строгое воспитание. Одному ему это точно не исправить.

Мальчиков он научит на своем примере, о классическом образовании позаботятся гувернеры, но девочки... Как быть с ними?

«Мне срочно нужна жена», – снова подумал Уилл.

Верити с удовлетворением осмотрела залитую солнцем комнату в передней части дома, где она собиралась принимать надменного герцога. Китайская гостиная была самой маленькой из двух комнат для приемов и более удобной для отца, поскольку находилась рядом с библиотекой. ПапаК сидел в глубоком кожаном кресле и обсуждал с мистером Хоскинсом утренние газеты. Первый читал статьи вслух, второй комментировал их на языке жестов.

Они как раз дошли до доклада из палаты лордов, когда Бошам, их дворецкий, объявил:

– Его светлость герцог Айлшамский, леди Алтея Калторп, леди Араминта Калторп, лорд Бэзил Калторп, милорд.

Верити быстро оценила возраст молодых людей и многозначительно посмотрела на Бошама. Он кивнул, правильно поняв намек госпожи, и удалился на кухню предупредить кухарку, что понадобится что-нибудь посущественнее, чем чай с пирожными.

– Мисс Вингейт, ваша светлость, – произнес мистер Хоскинс, представляя Верити, так как сам хозяин сделать этого не мог.

Герцог пораженно уставился на нее, но, едва Верити успела сообразить, что, вероятно, крайне удивила гостя своим приличным видом, тот уже взял себя в руки. Верити улыбнулась ему и заметила огонек одобрения в его голубых глазах.

«Я та самая женщина, которая шокировала вас вчера утром, – сердито подумала она. – Просто на мне подходящее случаю скромное и красивое платье, волосы забраны в прическу, и я припудрила носик, устраняя следы загара. И теперь вы довольны, не так ли? Но мне ваше мнение безразлично, ваша светлость».

Он пожал ей руку и подошел к хозяину дома, ожидая подходящего момента, когда старик сможет вернуть ему рукопожатие.

– Милорд приветствует вас в старом дворце, ваша светлость, – поклонился мистер Хоскинс. – Я Кристофер Хоскинс, капеллан и секретарь епископа.

Герцог оказался не настолько заносчивым, чтобы не пожать руку и мистеру Хоскинсу, с удовольствием отметила про себя Верити.

– Епископ, мисс Вингейт, преподобный Хоскинс, позвольте мне представить вам моих братьев и сестер. Трое младших остались дома.

Красивые детишки, ничего не скажешь, но ведут они себя как-то неестественно, словно выполняют заученный урок, а не проходят привычную процедуру, подумала Верити. Боятся брата? У нее сложилось именно такое неприятное впечатление. Возможно, ему даже не приходится запугивать их открыто, достаточно просто яростно сверкать глазами в сторону этих нежных созданий.

Герцог сел рядом с ее отцом, молодежь Верити усадила рядом с собой на двух диванчиках, расставленных вокруг чайного стола.

– Скоро принесут закуски, – улыбнулась она, заметив, что дети исподволь рассматривают и ее, и убранство зала. – А теперь расскажите мне немного о себе. Насколько я понимаю, у вас есть еще братья и сестры?

– О да, нас всего шестеро, – ответила за всех старшая, Алтея. – Мне шестнадцать лет, Араминте и Бэзилу по четырнадцать, они у нас близнецы, потом идет Алисия, ей тринадцать, Бертрану десять, и Бенджамину девять.

– И вы живете с братом и мамой? Мне бы очень хотелось с ней познакомиться, но я не уверена, готова ли она сейчас к визитам. Я была очень огорчена, узнав о смерти вашего отца и, конечно же, деда.

– Мы не знали старого герцога. Он не ладил с мамой и папой, – разоткровенничался Бэзил. – Теперь мы живем с Уильямом, а мамаК переехала в Дауэр-Хаус, потому что Уильям наш опекун. Он говорит, что мы маленькие дикари и нас надо цивилизовывать, а мамаК считает, что цивилизованность подавляет природное творчество. Мы очень скучаем по папе, а мамаК всегда грустит. Но Уиллу все равно, он насильно заставляет нас учить всякие глупые штуки вроде арифметики и латыни. И мы должны «прилично себя вести». Причем все время, – хмуро добавил он.

– Мы обязаны обучиться манерам, и шитью, и как пользоваться глобусами, – добавила Араминта. – То есть девочки. Мальчикам не надо шить и ходить с книжками на голове.

На тиранию не похоже – в общем-то, обычное аристократическое воспитание.

– Арифметика полезна, – заметила Верити. – Она поможет вам управлять своим жалованьем, например, и вас не обманут в магазине.

Девочкам понравилась эта идея, но Бэзила слова Верити не убедили.

– Денег у нас куры не клюют. Чего о них беспокоиться? МамаК и папаК никогда не заставляли нас делать то, что нам не нравится. МамаК говорит: траур – это устаревший обычай, придуманный для угнетения женщин, мы можем грустить о папе, как того пожелаем, а не просто ходить в черном. Я уверен, она с удовольствием приняла бы вас. – Он поморщился. – Полагаю, траур и мальчиков тоже угнетает. ПапаК не хотел бы, чтобы мы все время ходили смурные и совсем не развлекались. И это не значит, что мы по нему не тоскуем. Еще как тоскуем.

– Горевать по отцу – это вполне естественно. – Верити чуть не подпрыгнула, услышав у себя за спиной громкий голос герцога. – Но в обществе существуют определенные правила, и именно они делают нас цивилизованными людьми. А вы ведь хотите быть цивилизованными, не так ли?

– Да, Уильям, – хором ответили дети. Однако выражение их лица говорило совсем о другом.

«Он пытается превратить их в марионеток», – решила Верити, изучая три маленьких личика.

– Не хотите ли прогуляться по саду?

Они повскакивали со своих мест, заслужив неодобрительное шипение опекуна. Верити тоже встала и повернулась к герцогу. Он нависал над ней всем своим ростом. «Слишком близкий, слишком крупный и слишком уверенный в себе».

– Сегодня прекрасный денек, вам так не кажется, ваша светлость?

– Чудесный, – согласился тот. – И я тоже не отказался бы посмотреть окрестности.

«Я вообще-то не вас имела в виду. Оставайтесь здесь и сидите напыщенным гусем», – фыркнула про себя Верити, но произнести этого вслух она, конечно же, не могла.

– Сюда, пожалуйста.

Девушка повела его к выходу на террасу, и он, само собой разумеется, опередил ее и распахнул перед нею двери. От него исходил тонкий аромат одеколона с нотками испанской кожи. Очень мужественно и сдержанно. Очень правильно.

– Благодарю вас.

В далеком пятнадцатом веке старый дворец представлял собой укрепленный квадратный дом с большим внутренним двориком. Когда при Генрихе VII ситуация в стране более или менее стабилизировалась, тогдашний епископ снес одно крыло, открыв двор с южной стороны. При Генрихе VIII к концам здания пристроили две причудливые башенки, а при Джеймсе I на месте двора был разбит сад.

В этот солнечный майский денек уже начали распускаться розы и пчелы гудели в ростках, которые скоро станут лавандой и розмарином, в центральном фонтане журчала вода.

– Какая красота! Цвета просто фантастические!

Ну наконец-то хоть что-то одобрил, усмехнулась Верити.

– Очаровательно, не так ли? Посетители находят этот сад весьма романтическим.

– «Романтическим»? – переспросил он таким тоном, будто никогда не слыхивал подобного слова. – Я думал, он просто хорошо спланирован.

Верити бросила на него полный отчаяния взгляд, запнулась на верхней ступеньке, но не успела она и глазом моргнуть, как была поймана за талию и поставлена на ноги. Герцог тут же убрал руки, оставив на ее теле ощущение силы и тепла.

– Спасибо.

Эта мимолетная физическая близость вкупе со сдержанным поведением привели ее в замешательство. На сердце стало тревожно...

Молодежь унеслась вдаль и скрылась из виду. Капеллан вывел отца на террасу и усадил его в кресло.

– Милорд будет рад, если вы осмотрите наш сад, ваша светлость, – сказал мистер Хоскинс.

Отец многозначительно посмотрел на дочь, зародив в ее душе подозрения.

«Что ты задумал, папаК?»

Потом она заметила, как отец переводит взгляд с нее на герцога, и все поняла.

«О нет, папаК! Мы уже имели с тобой беседу о сводничестве, и тот факт, что этот мужчина герцог, ничего не меняет».

Но он был гостем, и она просто обязана проявить любезность.

– Позвольте мне показать вам фонтан, ваша светлость. Он создан по дизайну моей матери, хотя ей и не довелось дожить до его завершения.

Уильям, как и полагается, предложил ей руку, она приняла ее, едва касаясь пальцами согнутого локтя, и они зашагали по центральной аллее. Его окружала странная аура силы. Это потому, что он герцог? Или оттого, что он высокий, широкоплечий мужчина в самом расцвете

сил? Или дело в ней самой, в ее отношении к нему, в странном сочетании физического влечения и неприязни?

Ее подруга Мелисса Тавернер, несомненно, сказала бы, что Верити подавляет свои инстинкты, что ей следует дать им волю, немного пофлиртовать или даже предаться легкомысленным поцелуям. Но Мелисса, возможно, нашла бы родственную душу в мачехе герцога с ее тягой к «естественному» поведению. Верити же не собиралась обращаться к природе. Она уже однажды поддалась этим самым инстинктам, обнаружила, что они насквозь порочны, и теперь просто хотела держать под контролем каждый аспект своей жизни.

По мере приближения к фонтану Верити все оживленнее болтала о растениях и устройстве сада, не получая в ответ практически никакой реакции, за исключением невнятного бурчания. И тут герцог внезапно остановился.

– Вы давно потеряли мать, мисс Вингейт?

– Когда мне было десять. Болезнь оказалась скоротечной. Пока мы поняли, что все серьезно, она уже покинула нас. – В его молчании было нечто такое, что заставило ее добавить: – Насколько я понимаю, вы были ребенком, когда сами лишились мамы?

– В возрасте девяти лет. Восемнадцать лет назад. Я ее практически не знал. – Он, видимо, решил, что его ответ прозвучал слишком резко, и спросил: – А вы хорошо помните свою мамушку?

– Я помню ее лицо – но это легко, ее портрет висит у нас в столовой. И ее голос – мягкий и сладкий. Она никогда ни на кого не кричала. И руки, такие нежные. – Верити почувствовала, что голос ее вот-вот дрогнет, и прервала излияния. – Она была очень благочестивой и очень... консервативной женой, я так думаю.

«Подозреваю, не слишком интеллектуальной. Не чета отцу. Но хорошей женщиной. Такой, которую все любили. Такой, которая создала счастливую семью».

– А вы тоже благочестивы и консервативны, мисс Вингейт?

Она удивленно уставилась на него и заметила в голубых глазах нечто необычное. Веселье? Тепло? Может, сарказм?

– Благочестива ли я? Надеюсь, я верная прихожанка, но на благочестие не претендую. И вам уже известно, что я далеко не консервативна, ваша светлость. Но так как я не замужем, никто не знает, какая из меня выйдет жена и буду ли я похожа на мать.

Они дошли до фонтана, и она присела на бортик. Опустила руку в воду и стала ждать, когда рыбки приплывут и начнут покусывать ее пальцы в надежде на угощение. Вдалеке разносился детский смех, и над всем этим великолепием плыли звуки сонаты.

– Кто это играет? Весьма неплохо. – Герцог прислонил трость к бортику, встал рядом и посмотрел в сторону башни.

– Это моя подруга. У нее нет дома инструмента, поэтому она пользуется нашим.

Остальные уже тоже там, в Девичьей башне, как однажды назвал ее мистер Хоскинс. Люси играет на пианино; Мелисса, с испачканными чернилами пальцами, корпит над романом; Пруденс сидит, уткнувшись носом в греческую грамматику; а Джейн рисует либо пейзажи, либо свою подругу. Слава богу, дверь, ведущая наверх, надежно заперта.

– Очень щедро с вашей стороны. И подруга молодец, пользуется предоставленной возможностью. – Он надолго умолк. Верити удивленно посмотрела на него и заметила, что он, нахмурившись, повернулся в сторону звонкого смеха и счастливых голосов. – Простите, если я делаю поспешные выводы, но у ее семьи финансовые затруднения, раз они не могут позволить себе фортепиано? В таком случае я мог бы предложить ей вести уроки у моих девочек, я как раз ищу для них преподавателя музыки.

О нет, родители Люси были людьми состоятельными и могли поставить по фортепиано в каждой комнате дома, но они были чересчур консервативными и считали любую музыку, кроме церковной, великим грехом. Для мистера и миссис Ламберт почти все грех, особенно то, что

доставляет удовольствие. Верити иногда задавалась вопросом, как вообще появились на свет Люси и ее четверо братьев. По недоразумению если только? Люси научилась музицировать в школе, откуда ее забрали, как только стало известно, что заведение посещают три незаконно-рожденные дочери графа. Когда родители узнали, что дочь практикуется на старом пианино в церковной ризнице, у Люси несколько недель не сходили с ладоней синяки, и теперь они не в курсе, что непокорное чадо продолжает предаваться греху. Но разве такое скажешь герцогу?

– Боюсь, что это не так, ваша светлость. Просто ее мама слишком чувствительна и не переносит громких звуков. – «Особенно веселого смеха». – Поэтому Люси не играет дома. Пианино у нас очень хорошее, но я не слишком люблю музицировать и рада, что оно хоть кому-то пригодилось.

– Не сомневаюсь, что вы обожаете играть на чем-то другом. На арфе, быть может? Или поете? – Он задал эти вопросы на автомате, будто не сомневался, что она просто скромничает.

– Нет, я не играю ни на каких музыкальных инструментах, ваша светлость, а мое пение лучше слушать издалека.

Как волынку – в идеале на лугах с перелесками.

– Вы слишком скромны, мисс Вингейт, я в этом уверен. – Она заметила, что он продолжает бросать неодобрительные взгляды в сторону лабиринта.

«Он не может поверить, что я не обладаю полным набором атрибутов добропорядочной девицы. С каждым открытием его мнение обо мне падает все ниже. Ну и отлично! Я покажусь ему настолько непривлекательной, что он даже не заметит надежд моего отца».

– Это не ложная скромность, ваша светлость. Я прекрасно знаю все свои сильные и слабые стороны. – Своим высказыванием она заработала пристальный взгляд гостя. Видимо, юным девушкам не положено обсуждать свои недостатки. Теперь, когда она подумала об этом, выражение показалось ей двусмысленным. Или, может, все дело в том, что ее худшая слабость определенно не то, о чем запросто болтают в высшем свете? – Может, пойдем посмотрим, сумели ли ваши братья и сестры добраться до центра лабиринта? – спросила она, переводя разговор на другую тему.

– Конечно. – Он снова предложил ей руку. – Там сложный узор?

– Очень, ваша светлость. – Верити улыбнулась, сама не зная чему. – Летний домик в середине весьма мил, но посетители там редко бывают, лабиринт слишком запутанный.

Она старалась не смотреть на башню, в которой в данный момент находились ее подруги. Она сомневалась, что они прилипли к окнам из чистого любопытства, но детский смех мог привлечь их внимание, а Верити не хотелось рассказывать герцогу про их «читательский кружок», если он заметит в башне несколько дамских лиц.

– Вот вход. Это очень старый лабиринт, судя по стволам тиса, времен Тюдоров. По крайней мере, так считает мой отец. Непохоже, чтобы дети добрались до центра, голоса слишком громкие.

– Их всегда хорошо слышно, мисс Верити, – сухо заметил герцог. Но за сдержанностью явно скрывались любовь и смех, и Верити ощутила внезапную симпатию к этому человеку.

«И все же он их обожает, – подумалось ей. – Может статься, под надменностью кроется живое, теплое сердце».

– Их мать слишком либеральна в том, что касается воспитания, так?

– «Каждый ребенок, предоставленный самому себе и не связанный цепями условностей и искусственной дисциплины, раскроется, словно бутон». Это цитата, мисс Вингейт. Мне еще предстоит выяснить, в какой цветок превратится Бэзил. В дикую ежевику, возможно. Или в смертельный паслен.

– Я уверена, она не имеет в виду ничего плохого, – возразила Верити.

«Ох уж эти опасные идеи! Детям нужна защита, и границы, и образование, именно это откроет им глаза на прелести нашего мира, а также подготовит их к боли и обязанностям».

– И это чертовски похвально с ее стороны, мисс Вингейт. – На этот раз веселье в его голосе было уже очевидно.

«Боже, да этот мужчина не обделен чувством юмора! Как неожиданно. И как мило, что он способен посмеяться над стоящей перед ним задачей».

– Я согласна, что подавлять радость в детях – плохо, как и их природный характер. Мне кажется, фокус в том, чтобы дать цветам расцвести, но при этом высадить их на правильную почву, если продолжать сравнение с садоводством, – сказала Верити.

– Именно, мисс Вингейт. У меня три сестры и три брата. Девочки должны удачно выйти замуж, а мальчики – найти себе занятие, подходящее их положению и талантам. Нельзя же всю жизнь прожить варварами. Мы этого непременно добьемся, но путь наш усыпан терниями.

– Бэзил, чудовище! Ты же сказал, что легко отыщешь путь к центру, а сам даже дорогу обратно потерял, мы все умрем тут от голода, и наши обглоданные зверьем бранные кости найдут только лет через сто! – донеслось из-за ближайшего отрезка живой изгороди.

Герцог тяжело вздохнул:

– Да уж, путь предстоит нелегкий.

Глава 3

– Леди Араминта, – позвала Верити. – Стойте на месте и говорите что-нибудь, и мы с вашим братом найдем вас. – Она улыбнулась герцогу, внезапно почувствовав себя с ним легко и свободно, и прошептала: – Мне кажется, леди Араминта увлекается готическими романами.

– Это очевидно. Нужно будет поговорить об этом с ее гувернанткой. Обглоданные зверем бранные кости, ну надо же!

У нее разыгралось воображение или его вечно поджатые губы тронула улыбка?

«Пора уже прекратить искать благопристойные поводы для того, чтобы рассматривать его губы. Нельзя судить человека по внешности. И он собирается наложить запрет на абсолютно невинные, пусть и причудливые, романы только потому, что читает их девушка».

– Мы у входа. – Она провела герцога под тисовой аркой в тенистый лабиринт. Дорогу к центру она знала наизусть, но где Араминта?

– Тут так мрачно, – прозвучало совсем рядом. Сестра герцога явно успокоилась и теперь начала раздражаться.

«Второй поворот налево – он чуть шире, поэтому, видимо, он и привлек ее. Теперь направо и еще раз направо...»

– Вот вы где, леди Араминта! Следуйте за мной, и мы скоро окажемся в центре.

– Спасибо вам! – радостно заулыбалась девушка. – Уилл, ты знаешь путь?

– Нет. Я полностью доверяю мисс Вингейт, иначе вмиг потеряюсь, не хуже тебя.

– Я думала, ты все знаешь. – Она с таким озорством посмотрела на брата, что Верити чуть не расхохоталась вслух. Девчушка была очень милой и обладала врожденным чувством юмора.

– Все лабиринты разные, – наставительно произнес герцог. – Вот и все, что мне о них известно.

Они вернулись к входу, и Верити начала мысленный отсчет.

«Первый поворот, потом второй, потом третий, потом второй, потом четвертый, потом пятый...»

– Помогите! – завопила Алтея, и они тут же увидели ее. Она стояла в том же проходе спиной к ним. – О, вот и вы! – с облегчением воскликнула девочка, когда сестра позвала ее по имени. – Бэзил, маленький негодник, уже в центре. Он минут пять как надо мной потешается.

– Он об этом горько пожалеет, – заверила ее Араминта.

«Четвертый, затем пятый, затем шестой».

– Мы пришли. – Они вышли на залитую солнцем лужайку с крохотным зданием посередине.

Бэзил сидел на скамейке на миниатюрной веранде и мотал ногами.

– Чего вы так долго?

Сестры бросили на него испепеляющий взгляд.

– Каким образом тебе удалось добраться сюда так быстро? – подозрительно прищурилась Алтея.

– Посмотрите на его колени. Он полз под кустами! – заявила близняшка. – Вот чудовище, ты обманул нас!

– Я пришел первым, остальное не в счет, – ухмыльнулся Бэзил. – Я воспользовался своим умом.

– И в процессе испортил пару прекрасных панталон, – осадил его герцог. – Кроме того, бросил своих сестер и не встал при появлении дам. Стоимость брюк будет вычтена из твоего жалованья. А теперь можешь извиниться перед мисс Вингейт за свои плохие манеры и проводить сестер к выходу приличным образом.

– Извините, мисс Вингейт. Но я не знаю пути назад. – Бэзил уже покинул скамейку и теперь тщетно пытался отряхнуть колени.

– А я знаю, – заявила Алтея. – Я вырвала страничку из своего блокнота и развесила бумажки на каждом повороте.

– Молодец, Алтея, – похвалил ее герцог, получив в награду ослепительную улыбку. – Но непременно собери их все, когда пойдешь обратно.

Дети послушно удалились, потом послышался визг Бэзила и топот убегающих ног.

Едва сдержав смех, Верити села на скамейку.

– Подозреваю, ваши сестры решили взять реванш над лордом Бэзилом. Не посидеть ли нам здесь немного? Подождем, пока они выйдут из лабиринта, тогда вам не придется высказывать им свое неодобрение.

– Они должны чувствовать, что я все свое время трачу на их исправление. – Герцог присел на ступеньки веранды.

– Вы любите их и хотите им добра. И они это знают.

– Вы действительно так считаете? – На долю секунды ей показалось, что его светлость собирается откинуться на столбик, но он вовремя спохватился. Вряд ли сидение на ступеньках входит в его ежедневный ритуал.

– Что вы их любите? Это же очевидно. – Верити вдруг поняла, что это правда. – И судя по тому, как дети реагируют на ваши замечания, они в курсе. Они не корчат рожи и не показывают язык у вас за спиной. Трое младших такие же сообразительные?

– Они умны, – согласился герцог таким тоном, будто пытался убедить в этом себя. – И да, остальные так же сообразительны. Они все были такими, – добавил он так тихо, будто говорил сам с собой.

Верити понимала, что последние слова были не предназначены для ее ушей, но в голосе герцога сквозила такая боль, что она не смогла промолчать.

– Были и другие?

– Только одна. Моя старшая сводная сестра, Арабелла. В этом году ей исполнилось бы семнадцать. Она умерла как раз перед тем, как дед забрал меня к себе.

– Болезнь?

Он молчал. Верити подозревала, что этот мужчина просто не привык ни с кем обсуждать столь эмоциональные вещи. Или считал это неприличным.

– Вирулентная лихорадка. Но мы не упоминаем об этом, дабы не огорчать детей.

«Но вас самого это очень огорчает, конечно же. Да только разве вы признаетесь в подобной слабости?»

– Можете быть уверены в моем молчании, ваша светлость, – сказала Верити, поднимаясь на ноги. – Думаю, нам тоже пора возвращаться.

– Полностью с вами согласен. Нам нужно вернуться на солнце, иначе вы замерзнете, – проговорил он, заходя в лабиринт.

Герцог снова принял надменный вид и рад этому, подумалось ей. Очень жаль, ведь он ей почти понравился. Он проявил человечность, излив свои тревоги в отношении детей и разрешив себе немного пошутить.

– Позволит ли епископу здоровье проехать небольшое расстояние? – спросил он, выходя на открытое место, откуда Верити помахала рукой отцу и мистеру Хоскинсу. – Могу ли я надеяться на ответный визит? Я был бы счастлив принять его в Стейн-Холл.

– В хорошие дни определенно да. По воскресеньям он неизменно посещает церковь, а Стейн-Холл лишь чуть дальше ее. Однако его состояние непредсказуемо. Я не стала бы планировать ничего заранее.

– Вас можно только похвалить за вашу дочернюю преданность и за то, как вы ведете хозяйство. Я полагаю, его недомогание, возникшее в то время, когда вы должны были выйти в свет, было весьма тягостным для вас.

Верити открыла рот и тут же захлопнула его. Похоже, герцоги, как и архиепископы, считают себя вправе делать своеобразные личные наблюдения. Она надеялась, что ее молчание вынудит его оставить эту тему.

– Это вдохновляющий пример исполнения дочернего долга, ведь, проявляя свою преданность отцу, вы пожертвовали своими надеждами на скорый брак, – не унимался он, наконец-то обнаружив то, за что можно ее похвалить.

«Да уж, намеков он явно не понимает!»

– У меня не было никаких особых, как вы выразились, *надежд*, когда отца разбил инсульт, и я уж точно ничем не пожертвовала. – К тому времени, как отец слег, ее сердце уже было разбито, а надежды растоптаны. – Слишком многие женщины полностью теряют свободу, вступая в брак. Я же намерена сохранить свою, ваша светлость. – Разум говорил ей, что брак – это большая лотерея, а своему сердцу в отношении мужчин она, как выяснилось, вообще не могла доверять.

– Я правильно понял, вы не одобряете институт брака? – ледяным тоном поинтересовался герцог.

– Мне кажется, это отличный способ упорядочить человеческое общество. Институт брака обеспечивает цивилизованное воспитание детей и приюты для престарелых. И он, безусловно, очень способствует комфортному проживанию мужчин. К сожалению, все это зачастую достигается жертвой со стороны женщины.

– Жертвой? Брак защищает и поддерживает женщину. И ее статус повышается.

– Взамен же она теряет свободу, контроль над собственными деньгами и землями, полную автономию. Она превращается в объект желаний и прихотей своего мужа, в его придаток. Я люблю отца и всегда буду заботиться о нем, но, кроме этого, у меня есть собственная жизнь независимой женщины, ваша светлость.

– Никто из нас не обладает полной независимостью, мисс Вингейт. Свобода – это иллюзия. Дамы ограничены природной утонченностью, господа – своими обязанностями.

– Но у некоторых из нас больше свободы, чем у других, – возразила Верити.

«„Природная утонченность“, ну надо же!» Ее так и подмывало сказать что-нибудь совсем не утонченное, но она сдержалась.

– У герцога ее много, у замужней женщины очень мало. Я обладаю привилегиями по рождению и положению и прекрасно понимаю, что, будь я дочерью крестьянина или ткача, столь же больного, как мой отец, в моей жизни не осталось бы ни грамма свободы. И всем было бы наплевать на мою утонченность. Мне очень повезло, и я не собираюсь отказываться от этого везения только потому, что общество хочет навязать мне брак.

«Да кто вам его предложит, с такими-то идеями?» – Верити почудилось, что она слышит эти слова.

Но герцог не произнес их вслух, лишь поджал губы. И это явно далось ему нелегко, судя по тому, что ответил он не сразу.

– Надеюсь, ваша свобода стоит таких жертв, мисс Вингейт. Я вижу, дети уже слишком сильно разрезвились. Я должен попроситься с епископом и удалить сорванцов до того, как они окончательно нарушат его покой. Спасибо за восхитительный день.

«Лжец! – подумала Верити, направляясь вместе с ним к отцу. – Он не одобряет моего поведения и явно сожалеет о неосторожных признаниях, сделанных в сердце лабиринта. Он определенно не собирался откровенничать и теперь еще больше возненавидит меня».

Она продолжала натянуто улыбаться, провожая гостей, но ей пришлось походить туда-сюда по коридору и успокоиться, прежде чем предстать перед отцом. Ее шокировала собствен-

ная реакция на молчаливое неодобрение герцога. Этот мужчина ей не нравился, так почему же ее волнует его мнение?

– Что скажешь о нашем новом соседе, папаК? – Она обменялась взглядами с капелланом, и тот кивнул ей. Похоже, отец не слишком устал.

– Чудесный экземпляр, – перевел мистер Хоскинс жесты отца. – Прекрасный актив для окрестных земель. За короткое время он понес две тяжелые утраты, и, помимо этого, на его плечи легла забота о шести младших братьях и сестрах плюс прочие многочисленные дела. Но я уверен, что он достойно примет этот вызов.

Отец кивнул и проговорил одними губами: «Я впечатлен».

– А что вы думаете, мистер Хоскинс? – Было легко упустить из виду, что этот человек имеет собственный голос, и она всегда старалась вовлечь его в разговор.

– Репутация его светлости не лжет. Он идеальная парадигма того, каким должен быть дворянин. Он взвалил на себя бремя ответственности за огромное количество братьев и сестер вкуче с обязанностями высокого ранга, причем в столь юном возрасте. Ему не позавидуешь.

– Ему лет двадцать семь, а ведет он себя, как будто ему все пятьдесят семь, – пробурчала Верити.

– Очаровательные дети, – вновь сказал отец. – Живые и умные.

– Да, – согласилась с ним дочь. – Жаль только, их брат не обладает таким же природным обаянием.

– Вы только представьте, какой поднимется переполох, когда местные мамы поймут, что за холостяк у нас появился, – произнес мистер Хоскинс, но тут же прикусил губу и посмотрел на епископа, словно извиняясь. – Простите меня за фриivolность. К тому же бедняга хранит траур.

Отец захихикал и начал медленно двигать руками, чтобы Верити поняла его без перевода.

– Не век же ему хранить траур, к тому же ему ничто не мешает присматриваться. Как знать, может, он найдет себе достойную девушку в наших краях.

В глазах старика загорелся озорной огонек.

– ПапаК, прекрати!

«Ты же не собираешься сводить меня с ним! Только не с этим человеком! Впрочем, и ни с кем иным».

Но даже если бы отец и захотел этого, Верити не грозило внимание герцога. Она шокировала его своими откровенными высказываниями по поводу семейных уз, к тому же оказалась непривлекательной девицей-историком, которая атакует аристократов челюстями разлагающихся черепов. Мисс Верити Вингейт – последняя женщина, на которой может жениться герцог Айлшамский.

– Она мне понравилась, у нее милая улыбка, и она не зануда. Ты женишься на ней, Уилл? – Бэзил уселся в карету напротив старшего брата и склонил голову набок, словно любопытный воробышек.

– Не говори о леди «она», Бэзил. И не задавай личных вопросов. Я определенно не собираюсь брать мисс Вингейт в жены.

Расположившиеся рядом с ним сестры тяжело вздохнули.

– Но почему? – взвилась Араминта. – Мисс Вингейт хорошая. Она симпатичная и живет рядом, а это очень удобно.

– Я должен напомнить вам о трауре? Я не имею права даже думать о браке, пока не истечет год после смерти моего деда.

Похоже, они не имели ясных представлений о формальностях траура, поскольку даже не носили соответствующей одежды. Их мать была непреклонна в том, чтобы не облачать своих дочерей в черное или даже серое или лиловое, потому что это, видите ли, подорвет их дух

и вгонит в депрессию. Уилл резонно заметил, что они *должны* испытывать печаль во время траура, а она обвинила его в холодности и бесчувственности.

Вместе с тем дети по-своему горевали о почившем отце. Иногда у девочек были подозрительно красные глаза, а возмутительные демарши Бэзила, вполне возможно, являются способом отвлечься от тяжких дум. У Уильяма складывалось неприятное ощущение, что нетрадиционное воспитание дало детям иной, более естественный способ справиться с эмоциями.

– Ты такой нудный, Уилл, – сказала Алтея. – Скорбь по папе не меняет того факта, что тебе нужна жена. Из-за нас. Я слышала, как мисс Престон говорила мистеру Кэтфорду, что тебе было бы проще, займешь ты герцогиню.

– Подслушивать нехорошо, особенно аристократам, Алтея, – механически поправил ее Уилл. Но мисс Престон права: жизнь стала бы легче, будь с ним рядом жена. «И в постели тоже», – прошептал в его голове мерзкий голосок. Перед его глазами тут же встал образ мисс Вингейт, выходящей голым из фонтана. – Мы больше не будем обсуждать эту тему.

«И вообще, прекрати думать о ней, – отчитал он себя, сжимая ноги. – Она настоящая бесовка, синий чулок, ненормальная женщина, выступающая против брака. Такая совсем не пара знатному господину».

Ему вполне достаточно мачехи, заражающей детей безумными идеями. Не хватает только разбитной герцогини.

– И епископ тоже милый, – провозгласила Араминта. – Он мне понравился. У него добрые глаза, и говорит он руками, уверена, он обожает гостей. Надо нам будет как-нибудь снова навестить его.

– Он сам к нам приедет, если позволит здоровье. – Нужно срочно избавить детей от иллюзий о том, что можно неожиданно-негаданно заявиться в старый дворец провести епископа и повеселить его. – Посещать кого-либо второй раз до того, как получите ответный визит, крайне невежливо. А теперь пусть каждый из вас расскажет мне, что вы проходили на последнем занятии.

Как Уилл и ожидал, в ответ послышался коллективный тяжкий вздох. А кто говорил, что быть герцогом легко?

– Уилл, а куда ты дел свою трость? – попытался отвлечь его Бэзил.

– Кто этот мужчина с детьми? – спросила Мелисса, как только Верити закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной.

– Их всего трое, и им шестнадцать и четырнадцать, так что они уже далеко не дети, однако соглашусь с вами, ведут они себя как малыши. – Она оторвалась от двери и неграциозно шлепнулась в ближайшее кресло, совсем не как подобает чопорной леди. Час наедине с гостем вконец измотал ее. – Извините, если вас потревожили.

– Вовсе нет, – заверила ее Мелисса. – Я вышагивала взад-вперед в поисках вдохновения и заметила их в окно. Молодых людей мы тоже слышали, но кого раздражает веселый смех?

– Это правда. – Пруденс оторвалась от греческой грамматики. Она возлежала на скамейке голышом, подперев голову рукой, живописно прикрытая отрезом муслина. – Но ты выглядишь уставшей, Верити. Посиди, выпей чего-нибудь освежающего. Бошам принес нам лимонад до того, как мы тут начали.

Для слуг и всех прочих окружающих – и в особенности для родителей подруг – девушки приезжали три раза в неделю в старый дворец на заседание читательского кружка.

И если родители вообразили себе, что их чада изучают религиозные трактаты, проповеди и возвышенные произведения за шитьем для бедных, то это, по мнению Верити, их трудности. Никто и никогда не описывал им природу их встреч, и они определенно *читали*. Люси Ламберт читала ноты, Мелисса Тавернер перечитывала свое сочинение, потому что не осмеливалась взять его домой, Пруденс Скотт читала учебники, а Джейн Ньюнхэм, художница, изучала

книги по теории перспективы и цвета или биографии художников. В настоящий момент она рисовала греческих муз, используя в качестве моделей своих подруг. Верити не могла вспомнить, какая муза отвечает за литературу, но Пруденс с ее книжкой по грамматике представляла собой идеальный образ.

Верити окинула взглядом антикварные бумаги, готические романы, большой стенд для вышивания, на котором она создавала гобелен с изображением падения Люцифера, книги по садоводству и широкий стол для обработки результатов раскопок. Человеческий череп, лежащий на кипе листочков, словно причудливое пресс-папье, взирал пустыми глазницами на Пруденс.

Покои башни располагались прямо над гостиной и спальней Верити, и горничные приходили сюда раз в неделю убираться. К этому моменту все труды заговорщиц прятались с глаз долой по шкафам.

Как говорила Мелисса, это будет катастрофа, если ее отец, местный сквайр, обнаружит, что она читает романы – и не просто читает, а еще и пишет их! Его единственной целью было удачно выдать дочурку замуж. Другие родители также жаждали представить на рынок невест идеальных и удобных для брака молодых особ и уже начали раздражаться, поскольку их дочери – всем по двадцать три года – засиделись в девках и, того гляди, выйдут в тираж.

Когда Вингейты поселились в старом дворце, Верити быстро нашла себе подружек, но прошло не меньше месяца, прежде чем она выведала их тайные желания и амбиции. Она, сама практикующая не совсем традиционные занятия, создала для них тайное прибежище, но тревога не отпускала ее сердце. Рано или поздно родители настоят на свадьбе, и тогда, в отличие от нее, ухаживающей за больным отцом, у них не найдется отговорки и им придется повиноваться.

Ее подругам были нужны либерально настроенные джентльмены, которые полюбят их такими, какие они есть, но где раздобыть подобных молодых людей в их крошечном деревенском сообществе Дорсета, она понятия не имела. Что будет, если отцы решат сочетать их узами Гименея с выгодными женихами и начнут давить на дочерей, пока те не уступят?

Проблема в том, что рано или поздно это все равно случится.

И вдруг она поняла: никто из местных джентри и в подметки не годится герцогу. Ни одна благоразумная мать не посмотрит на скромного сквайра, или баронета, или даже на наследника отставного адмирала, пока остается хоть крохотный шанс привлечь к дочери внимание самого именитого дворянина в их округе.

Она подняла глаза и увидела, что подруги уже начали терять терпение, ожидая от нее ответа на свой вопрос.

– Этот мужчина – герцог Айлшамский, – провозгласила она. – Он ни за что не одобрил бы наших занятий, но он подарит нам как минимум год полной свободы!

Глава 4

– Это был герцог?! Хочешь сказать, он остается тут жить? – первой пришла в себя Люси. – МамаК вроде бы слышала, что он приехал устроить мачеху в Дауэр-Хаус и потом снова удалится в замок Оултон.

– Нет. То есть леди Бромхилл определенно проживает в Дауэр-Хаус, но герцогу и его шестерым братьям и сестрам пришлось перебраться в Стейн-Холл, и, насколько я понимаю, он задержится здесь надолго. До конца траура точно.

– О, а я и забыла про траур, – вздохнула Мелисса. – Уже представила себе балы и приемы в богатом особняке... МамаК придет в отчаяние, когда узнает, что он рядом, но ни с кем не общается. Но я не понимаю, каким образом его присутствие нам поможет.

– Но разве ты не видишь? Каждая мать в здравом уме и твердой памяти дважды подумает, прежде чем дать согласие какому-нибудь кандидату, пока есть надежда захомутать самого герцога. А сей достопочтенный джентльмен сможет открыто начать выбирать себе невесту не раньше чем через год! Такой педант, как он, и шагу до этого не сделает, даже если влюбится без памяти.

– Но это же просто чудесно! Все, что нам остается, – отправиться по домам и передать родителям отличные новости, а потом послушно согласиться с их планом по охмурению герцога, – расхохоталась Джейн. – Более того, мы примем его с энтузиазмом, и это подтолкнет наших мамочек к безудержному шопингу!

– Это... а-а-а! – завизжала Мелисса.

Люси от неожиданности уронила ноты, Джейн обмакнула кисть в белую краску, а Пруденс резко села, сбросив с себя драпировку.

– Что такое? – спросила Верити и тут же сама задохнулась от ужаса, увидев огромного черного волосатого паука, спокойно прошествовавшего по половицам и исчезнувшего под книжным шкафом. – Господи, как он меня напугал! Ненавижу всех членистоногих. Ты в порядке, Мелисса? Я знаю, ты их тоже не любишь.

– Мерзкие создания, – передернулась подруга. – Думаешь, он ушел?

«Укрылся за шкафом, не иначе».

– Уверена, что при нас он больше носа не высунет. Я скажу служанкам, что тут убирают...

Дверь лестницы, опоясывающей башню по внешней стороне, с грохотом распахнулась и ударилась о стену с такой силой, что на полке закачалась ваза. Мелисса бросилась к полке, поймала сосуд и плюхнулась на стул, столкнувшись с мужчиной, который вихрем ворвался в проем.

Последовала немая сцена. Как в игре «Море волнуется раз», пришла в голову Верити дикая мысль до того, как она осознала, что нарушителем их спокойствия был герцог и что он стоит, уставившись на голую грудь Пруденс, которая, по выражению самой девушки, представляла собой самую выдающуюся часть ее тела.

Потом все начали двигаться разом. Герцог развернулся лицом к шкафу, Пруденс бросилась к выходу на внутреннюю лестницу, Верити, Мелисса, Джейн и Люси встали плечом к плечу, закрывая подругу от незваного гостя.

Как только дверь за Пруденс захлопнулась, Мелисса сунула вазу в руки Люси.

– Я отнесу ей одежду.

Она сгребла вещи и побежала вниз.

– Прошу прощения, – драматично произнес герцог, по-прежнему стоя к ним спиной.

«Да он в ярости», – догадалась Верити. Не любит оказываться в глупом положении. Или выглядеть посмешищем. Джентльмен, врывающийся в комнату юных дам, чтобы спасти их, должен прослыть героем. А спасти девушек от паука – это просто фарс.

– Я понял, что где-то оставил свою трость, и как раз искал ее, когда услышал крик. Решил, что на девушку кто-то напал. – Он снял шляпу.

– Всего лишь огромный паук, – сухо промолвила Верити. – Но мы, естественно, очень ценим ваш галантный поступок. – Она развернула мольберт Джейн к стене. – Вы можете повернуться, ваша светлость.

– Дамы. – Его поклон был верхом элегантности.

Верити понятия не имела, как можно поклониться с сарказмом, но у него получилось.

– Могу я представить вам мисс Ламберт и мисс Ньюхэм?

Они присели в реверансе, герцог снова отвесил поклон. Вернулась Мелисса. Она закатила глаза, глянув на Верити, но тут же нацепила на лицо сладкую улыбочку и сделала книксен.

– И мисс Тавернер. Леди, это герцог Айлшамский.

«И не смейте спрашивать, как зовут четвертую», – подумала она.

Но он и не собирался этого делать.

– Мои извинения за то, что прервал вас, милые дамы. Хорошего вам дня. – Он нахлобучил шляпу, вышел в дверь, из которой явился, и очень аккуратно закрыл ее за собой.

– Вот это да! – выдохнула Мелисса. – Очень красивый и очень опасный мужчина.

– Как Пруденс?

– Пытается смириться с неизбежным позором. Я сказала ей, что герцог – истинный джентльмен и никогда не посмеет намекнуть на произошедшее.

– Он ушел. – На пороге появилась Пруденс, полностью одетая, но бледная как полотно. – Я видела его через окно твоей спальни, Верити. Кто-нибудь поможет мне с прической? – Она протянула дрожащую руку, и несколько шпилек упали на пол.

– Давай я. – Люси усадила ее в кресло и начала собирать каштановые локоны. – Он ничего не скажет, я абсолютно уверена, – слишком идеален для этого.

– И он никогда не унижится до злословия. – Верити погладила подругу по плечу, пытаясь успокоить. – Герцог просто книжный образец правильного поведения. Не переживай, Пруденс, ты в полной безопасности.

– Но мне ведь наверняка придется встречаться с ним, – заголосила она. – Он узнает меня, и я сквозь землю от стыда провалюсь, точно вам говорю. Даже если он станет хранить молчание, мои щеки будут полыхать огнем при его появлении, и мамаК догадается, что тут что-то нечисто.

– Сомневаюсь, что он рассмотрел твое лицо. – Мелисса бросила многозначительный взгляд на шикарную грудь подруги. – Можешь смело все отрицать, Пру. Скажешь маме, что сражена его титулом и красотой и страстно желаешь соответствовать ему. Кроме того, он в трауре, так что часто видаться вам не придется.

– Хорошо бы. – Пруденс немного воспрянула духом.

Часы пробили четыре. Люси тихо вскрикнула и кинулась собирать ноты, остальные тоже начали складывать вещи в шкаф.

– Оставьте, идите вниз, – поторопила их Верити. – Пруденс, высморкайся. И не забудьте взять трактаты. – Один кюре из благих побуждений прислал ее отцу кучу церковных брошюр. ПапаК, пролистав одну из них, объявил, что написаны они плохим слогом, неточны и гарантированно превратят любого самого преданного прихожанина в язычника. Верити забрала их в качестве реквизита для своего «читательского кружка», члены которого как раз спускались вниз – шляпки и перчатки на месте, в руках по книжице. – На следующей неделе обсуждаем «Прогресс Пилигрима»! – крикнула она им вслед.

– Но мы читали его сто лет назад, – возразила Мелисса, обернувшись к Верити.

– Точно. А значит, нам не нужно говорить о нем снова, но мы прекрасно знаем, о чем там идет речь, и сможем ответить родителям, если они спросят.

После их ухода Верити занялась гобеленом, однако, сделав несколько стежков, поняла, что неплохо было бы придать Люциферу черты герцога Айлшамского. Она принялась распырывать черные глаза падшего ангела. Голубые будут более вызывающими... В конце концов, этот господин красив, словно дьявол, правда, не так весел. Он упал на землю к ее ногам и теперь, если захочет, может замучить их всех насмерть.

Еще до переезда в Стейн-Холл Уилл узнал, что предлагать мачехе место в карете по воскресеньям бесполезно. Клаудия всегда объявляла о своем намерении поклоняться Божеству – или божествам, она была не готова остановиться на ком-то одном, – общаясь с природой, что казалось Уиллу прекрасным оправданием для продолжительных моционов по окрестностям с корзиной для пикника.

Дети, к своему ужасу, быстро поняли, что теперь, когда они живут с братом, воскресные прогулки по лесам и перекусы у журчащих ручьев придется заменить на посещение церкви, углубленное чтение и образовательные лекции. Они научились не высказывать открытого недовольства по этому поводу, ибо Уилл был непреклонен, и все же в перегруженной карете царила удручающая тишина, когда они впервые отправились в местную церковь во второе воскресенье после визита в старый дворец.

– Бэзил, если тебе не терпится поговорить, будешь читать второй урок вместо меня, – пригрозил Уилл брату, недовольно бубнившему по поводу того, что ему пришлось взять Бенджамина на колени. Этого оказалось достаточно, мальчик быстро захлопнул рот. – И да, мы будем ездить на двух каретах, когда погода испортится или мисс Престон и мистер Кэтфорд решат не идти пешком. Но нагружать прислугу ненужной работой в выходной день нехорошо.

По крайней мере, дети сумели чинно дойти от кареты до дверей храма, где их ожидал псаломщик. К облегчению герцога, он провел их на места для прихожан Стейн-Холл без лишних поклонов и раболепия. Похоже, местные жители ставили епископа выше герцога. Высокие, обшитые панелями стены отгороженного зала не позволяли разглядеть другую сторону прохода, прямо под кафедрой, но на двери виднелся герб епископа. На щите красовался сложный рисунок, увенчанный митрой и скрещенными сзади епископскими посохами.

Все, что он видел, – это лысина, окантованная седыми каштановыми волосами, темная голова, принадлежащая, скорее всего, капеллану, и верх капора из коричневой соломки с яркой лентой цвета охры. Мисс Вингейт сопровождала своего отца. По крайней мере, ее бунтарство не распространялось на походы в церковь.

Уилл окинул взглядом своих подопечных. Учитель и гувернантка уже пришли, и дети под их руководством сидели, словно мышки, усердно отыскивая в молитвенниках нужные строчки. Он коротко помолился о том, чтобы проповедь была недолгой и содержательной, и сказал себе, что абсолютно не заинтересован в присутствии совершенно невыносимых дамочек-историков.

Его молитвы были услышаны, проповедь действительно оказалась очень мудрой, хотя и на тему «Незнакомец среди нас», и Уилл все время чувствовал, как паства сверлит глазами его спину. По окончании службы псаломщик первой открыл дверцу епископского отсека, что говорило само за себя. Герцоги стояли выше епископов на иерархической лестнице, но только не здесь, в Доме Господнем.

Однако, дойдя до двери, Уилл понял, почему епископа выпустили первым. Он сидел в резном кресле рядом с викарием, который ожидал прихожан на выходе. Мистер Хоскинс стоял сбоку, мисс Вингейт немного поодаль, беседуя с какой-то дамой, скорее всего, миссис Трент, женой викария.

– Милорд. Мистер Хоскинс. Мистер Трент. – Их семейство впервые посещало службу в данном приходе, хотя священник приезжал к ним на первой неделе после их прибытия. – Чудесная проповедь, викарий, поздравляю вас. Позвольте представить мою семью.

Он махнул рукой, подзывая братьев и сестер, и был немало удивлен, когда они послушно выстроились в ряд и принялись почтительно кланяться и делать реверансы. Их учителя явно проделали немалую работу, надо и про них не забыть.

– Однако мы задерживаем остальных прихожан.

Он повел свое маленькое стадо поздороваться с миссис Трент.

– Мадам. Мисс Вингейт.

Лицо миссис Трент осветилось яркой улыбкой, и она засуетилась вокруг детей.

Мисс Вингейт лишь коротко кивнула ему:

– Добрый день, ваша светлость. Миссис Трент, я присмотрю за тем, чтобы садовники прислали цветы к следующему воскресенью.

Она махнула зелеными юбками и исчезла из вида, оставив за собой дразнящий аромат цветущей глицинии.

Поболтав с Бенджамином, миссис Трент выпрямилась, и глаза ее распахнулись от удивления. Уилл проследил за ее взглядом. Поцеловав руку викарию, паства явно не спешила прочь и по-прежнему клубилась у порога. Или, лучше сказать, та ее часть, которая состояла из матрон с дочерьми на выданье. Он узнал мисс Ламберт, мисс Ньюнхэм и мисс Тавернер из башни, вон та девушка в голубой шляпке, робко прячущаяся за колонной, скорее всего, неизвестная обнаженная модель.

– О великий боже! – пробормотала миссис Трент. – Боюсь, прихожане проявляют к вам немалый интерес, ваша светлость.

– Вижу. Но так как мы в трауре, я не намерен посещать развлекательные мероприятия, балы и рауты, – сказал Уилл. – Я надеюсь на вас. Донесите, пожалуйста, до них, что в поместье не будут проводиться никакие мероприятия, для этого сейчас неподходящее время.

– Конечно. Уверена, у вас будет масса возможностей встретиться с жителями нашего района, не опасаясь... э-э-э...

– Всколыхнуть ожидания? – криво улыбнулся он.

Ему и в голову не приходило, что на него откроют охоту, а зря. Именно так он себя и чувствовал в настоящий момент в окружении юных девиц в самых лучших нарядах – дичью. Вряд ли он будет искать себе герцогиню в сонном провинциальном Дорсете, но это нисколько не умерит пыл родителей с дочками подходящего возраста. Неженатые герцоги в возрасте меньше шестидесяти лет – это настоящее сокровище на брачном рынке. В каком-то смысле холодность мисс Вингейт – словно глоток свежего воздуха.

– Пока был жив мой отец, я не считался прямым наследником и не испытывал подобных проблем, – проговорил Уилл, понизив голос. – Видимо, титул вызвал гораздо больше интереса, чем я привык.

Миссис Трент лукаво улыбнулась:

– Мой совет вам, ваша светлость: не убегайте, это только распалит охотниц. Подумайте о котенке и клубке шерсти. А теперь прошу извинить меня, пойду посмотрю, что можно сделать, чтобы избавить мужа от безумной толпы.

– Полагаю, стоит мне уйти – и они тоже исчезнут. Доброго дня, мадам. Идемте.

И он повел свое семейство на улицу. Замыкали шествие учитель и гувернантка, строго следившие, чтобы никто не отстал. Уилл кланялся направо и налево, не сбавляя шага и стараясь выкинуть из головы образ клубка шерсти. Не так он представлял себе жизнь герцога. На деле оказалось, что высокопарных выступлений в палате лордов не так много, а забот о дренажных канавах и классических уроках для младших детей хоть отбавляй.

И конечно же, герцоги не должны вышагивать по церковному проходу так, словно их преследуют гонимые в юбках. Уилл не мог отделаться от мысли, что его дед справлялся со своими обязанностями не в пример лучше, но он был просто не в состоянии напустить на себя

вид пренебрежительной холодности. Как не мог не заметить мисс Вингейт у крытых ворот на кладбище, беседующую с кучером старого епископа.

Она холодно кивнула герцогу, весело помахала проходившим мимо прихожанам и насмешливо посмотрела ему за спину. Очевидно, за ним следовала флотилия матронов в сопровождении дочерей-фрегатов и с мужьями на буксире.

«Хватит уже метафор. Котят, гончие, теперь вот линкоры...»

Уилл не стал оглядываться через плечо. Подобной ошибки он не допустит. Добравшись до кареты, он увидел, что вся эта братия рассаживается по кабриолетам, ландо и легким повозкам.

Когда лакей открыл дверцу, Уилл заметил в отражении стекла своих преследователей.

– Бэзил, иди на козлы. Мисс Престон, мистер Кэтфорд, садитесь в карету, если желаете. Я пройду пешком.

И он пошел прочь, не обратив внимания на радостные вопли брата, которому разрешили сесть рядом с кучером. Впереди виднелся перелаз, по другую сторону ограды паслись коровы. Ни одна порядочная дама не последует за ним этим путем, только не в своих лучших выходных туфлях. Не побег, а стратегическое отступление – вот что это такое, заверил он сам себя. Джентльмен вполне может позволить себе прогулку в воскресное утро после службы. В следующий раз, когда они поедут в церковь, нужно сказать кучеру, чтобы держал экипаж наготове.

Уилл пересек луг по диагонали, размышляя над тем, чьи это владения, его или епископа? Или, быть может, викария. Нет, церковные земли лежали к югу от храма. На дальнем конце пастбища он заметил ворота, прошел через них и решительно захлопнул прямо перед носом у коров, которые следовали за ним по пятам из присущего этим животным любопытства. Бегущая вперед извилистая тропинка завела его в лесок, вид сочной зелени и свежий запах влажной земли успокоили его разыгравшиеся нервы. Раздражение улетучилось. Посмотрев на пробивающееся сквозь листья солнце, Уилл решил, что идет в правильном направлении, хоть и не мог припомнить этот участок леса.

Минут через десять, однако, он вышел не на очередное поле, как рассчитывал, но на широкую полянку с прудиком. Уилл увидел упавшее дерево и присел на него, наслаждаясь шуршанием камыша и наблюдая за полетом стрекоз над водяными лилиями. Место было просто очаровательным, сюда так и напрашивался летний домик для пикников. Если это его полянка, он непременно построит его. Ничего замысловатого, никаких классических храмов, лишь простенькое укрытие, размышлял он, откинувшись на стоявшее позади дерево.

Солнышко начало припекать, а может, он просто разгорячился после импульсивного побега из церкви.

«Как глупо нестись сломя голову от толпы женщин. Нужно научиться осаживать их ледяным взглядом», – сказал он себе.

Он прикрыл глаза, спасаясь от блестящей ряби на воде.

«И эта улыбка мисс Вингейт... Как она, должно быть, веселилась, бесовка... А на щеке у нее появляется ямочка... Интересно, позирует ли она когда-нибудь для подружки-художницы. Она...»

Грешно было смеяться над герцогом, укоряла себя Верити, ожидая, пока карета епископа подъедет к воротам. Ее отец заговорил на языке жестов, привлекая внимание дочери, и она сосредоточилась на том, что он хочет ей сказать.

– Чему улыбаешься, моя дорогая? – медленно прожестикуюлировал он. – Что тебя позабавило?

– Ничего особенного, папаК. – «Лгать тоже нехорошо, да еще в воскресенье». – Отличный денек, не правда ли? Не хочешь отобедать в саду?

– Думаю, да. Но прежде я немного отдохну.

– А я прогуляюсь.

Ей хотелось оказаться подальше от старого дворца и от души посмеяться над охотой на герцога. Но он, по крайней мере, не нагрубил никому. Аристократ его ранга вполне мог бы отделаться от претензий местных джентри несколькими хорошо подобранными фразами или даже взглядом. Надо отдать ему должное, он не поддался искушению, не нанес ответный удар. И даже не намекнул на то, что знаком с ее подругами.

Поистине герцог Айлшамский был бы весьма приятным джентльменом, если бы не его педантичность и стремление к безупречности, пришла она к выводу минут десять спустя, выходя из сада на заливные луга.

Он являл собой настоящий эталон мужественности, и на него было приятно посмотреть, однако это вовсе не та тема, о которой положено размышлять в воскресенье.

«Вот видите, Уильям Калторп, вы вводите меня во искушение. Ложь и жаркие образы, и это в святой день!»

Она решила, что вполне может называть его про себя Уильямом. Постоянное повторение титула придаст ему важности, коей он не заслуживает. Прошло немало времени с тех пор, как она интересовалась мужчиной, и это ощущение, к ее удивлению, было очень приятным.

Почва под ее ногами опасно захлопала, напоминая ей о недавних ливнях, но лесная тропинка наверняка осталась сухой, к тому же есть надежда увидеть сокола, которых она строго-настрого запретила лесничим убивать.

В этот час полянка залита солнцем, а ее любимое бревно никуда не должно подеваться. Если постоять неподвижно, то какая-нибудь зверушка непременно выйдет к пруду напиться. Верити тихонько шагнула на поляну, чтобы не спугнуть животных.

Вот оно. Она заметила среди кустов какое-то движение, и на прогалину вышла косуля. Не сводя с нее взгляда, Верити боком подошла к своему излюбленному месту и уже краем глаза видела упавшее дерево. Продолжая наблюдать за косулей, Верити осторожно опустилась на бревно.

– Пфф! – Она явно присела не на дерево, а на ткань, с живым теплым телом внутри!

Тело выпрямилось, сбросив ее на траву. Косуля метнулась обратно в лес, и Верити подняла голову, заглянув прямо в глаза разъяренного герцога Айлшамского. *Уильяма.* Она чуть не назвала его так вслух. Видимо, он прилег и задремал.

– Какого дьявола? – непроизвольно выдал он, но тут же взял себя в руки и встал. – Прошу прощения за неподобающие слова, мисс Вингейт. Но что...

– Какого дьявола я тут делаю? – усмехнулась она, принимая его руку и позволяя себя поднять. Изречение, недостойное леди. Ей было наплевать на это, но продолжать общаться с ним, сидя или лежа на земле, весьма неприятно. – Я вас не заметила. Я засмотрелась на косулю, которая вышла попить воды, и села на дерево не глядя.

Верити отряхнула юбку от листьев и мха. Что вообще на нее нашло, зачем она отправилась гулять в дорогом платье?

Он кипел от злости, хотя внешне это практически никак не выражалось, только ноздри трепетали и губы были поджаты. Она отчитала себя за то, что слишком пристально вглядывается в его безупречные черты лица и чувственный рот. Ни в коем случае нельзя связывать красивую внешность с прекрасной душой, вот у Уильяма Калторпа, к примеру, идеальный облик, а внутри он чванлив и заносчив.

– Надеюсь, я не причинил вам вреда?

Интересно, на какую часть его тела она села? Она уже послужила причиной ранения его филейной части. Точно не ноги, а судя по тому, что он не морщится от боли, это был не живот, остается только...

«Не стану об этом думать. И смотреть туда тоже не буду».

Он не бьется в агонии, что случается, когда мужчину ударят в самое чувствительное место, как объяснила ей когда-то одна из гувернанток и как она выяснила позже сама. Значит, все не так плохо.

– Тут очень красиво, – произнес он с видом человека, твердо намеренного поддерживать вежливую беседу даже при самых странных обстоятельствах. – Я пытался понять, моя это земля или вашего отца.

– Папина. – Она внезапно разволновалась, начав подозревать, что его напряжение вызвано не только гневом или смущением, на самом деле его обуревают совершенно иные эмоции. Те же самые, что испытывала она, судя по бабочкам в животе и сбивчивому дыханию. – Ваши владения начинаются за южной окраиной перелеска. – Она махнула рукой в том направлении.

«Господи, ну почему я постоянно сталкиваюсь с ним в самых невыгодных ситуациях? С черепом в руках на дне раскопа, а теперь вообще на него села!»

– О! – Он окинул взглядом округу.

Что угодно, лишь бы не смотреть ей в глаза. Или, может, ему неприятно видеть ее такой неопрятной? Ну и отлично!

– Как жаль, я уже хотел было поставить тут маленький летний домик.

– Сомневаюсь, что папаК согласится продать участок. – Она сообразила, что пятится назад, готовая сбежать прежде, чем начнет нервно облизывать губы, играть с локонами волос или – упаси боже! – хлопать ресницами.

– Осторожнее!

Она взглянула по сторонам и лишь потом заметила, что слишком близко подошла к берегу. Земля начала осыпаться у нее под ногами. Она резко взмахнула руками, но он поймал ее за запястье, притянул к себе, и она очутилась у него на груди.

– О! Вы продолжаете спасать меня, – невнятно пробормотала Верити.

Только на этот раз он не отпустил ее. Его руки обнимали ее, она крепко прижалась к его чреслам и стояла запрокинув голову. Он смотрел на нее сверху вниз, их дыхание перемешалось. Как это случилось? Она видела каждую ресничку его прищуренных глаз – от яркого света, от смеха? Зрачки его были темными, расширенными, и Верити не могла оторвать от них взгляда.

«Падший ангел... я хотела бы пасть с тобой... нет, стоп! Ты же знаешь, к чему это приводит».

– Мисс Вингейт. – Герцог еще ниже склонился над нею, их носы практически соприкоснулись. Она не только услышала его слова, она всем телом почувствовала, как он произносит. – Вы, случайно, не желаете поцеловать меня так же сильно, как я этого хочу?

– Я... Да.

«Ой... Что случилось с этим напыщенным, чопорным джентльменом? Да и со мной самой, если уж на то пошло?» – спрашивала себя Верити, а потом отринула всякие мысли и просто поцеловала его в ответ. Его живот был теплым и твердым, она прижалась к нему еще крепче, он проник языком в ее рот, и у нее из груди вырвался стон удовольствия.

Когда Верити пришла в себя, они уже сидели на бревне – она положила голову ему на плечо, он обнимал ее.

– Ваша светлость...

– Думаю, после этого вы вполне можете называть меня Уилл. – Голос его охрип, словно он испытывал те же эмоции, что и она, а не просто запыхался от поцелуя.

– Уилл?

– Да, Верити?

Герцог – *этот герцог* – попросил называть его по имени. Этот герцог – Уилл – только что поцеловал ее, и она поцеловала его в ответ. Это сон? Она совсем утратила связь с реальностью?

– Уилл, – прошептала она. Ей понравилось, как это слово слетает с ее губ. Ей нравилось сидеть рядом с ним, прижавшись к этому огромному мускулистому телу.

Верити подняла руку и коснулась его щеки.

Похоже, ее прикосновение шокировало его и вернуло в реальность. Мечтательная улыбка исчезла в мгновение ока.

– О чем я только думал! – сказал он, отрывая от нее руки и вставая. – Это отвратительно! Я должен извиниться перед вами за... за то, что произошло.

«Отвратительно?»

– Извиниться? Почему? – Она, по крайней мере, сумела выдать из себя эти два слова, если не вернуть здравомыслие.

– Потому что это, само собой разумеется, было ошибкой. Самым серьезным просчетом.

Глава 5

– Это было просчетом? – взвилась Верити. – То, что мы поцеловались...

– То, что я поцеловал вас.

– О, не важно, кто кем был поцелован... Кто кого поцеловал. Ладно, оставим это! Вы утверждаете, что поцелуй был серьезным просчетом? Отчего же? – Все ее теплые, нежные чувства обернулись другим жаром. Гневом. Но чего же она, собственно, ожидала? Такие вещи ничем хорошим не кончаются.

– Джентльмен не имеет права целовать таких юных леди, как вы.

Он подобрал свои перчатки и шляпу и теперь надевал их, дабы выглядеть как полагается.

– Каких «таких»?

«Таких, которые бродят в воскресный день по лесам без своей дуэньи, видимо. Таких, которые забываются настолько, что позволяют поцеловать себя мужчине, который им не нравится. В прошлый раз у меня хотя бы было оправдание: я была влюблена в мужчину, пусть и жестоко ошибалась на его счет».

– Юную леди, как вы. Вы споткнулись и чуть не упали в пруд. Я воспользовался ситуацией. Поэтому я приношу свои извинения, это было нечестно.

– Это был приятный поцелуй, вот и все. Все! – Верити весьма неэлегантно вскочила на ноги. – Никто никакой ситуацией не воспользовался. Я вам не какая-то зеленая дурочка, которая понятия не имеет, кто такой мужчина, что такое поцелуй – или как сказать «нет». Я хотела поцеловать вас, вы хотели поцеловать меня. Мы поцеловались. Это был взаимный поцелуй. И не надо теперь придирааться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.